

Религия и церковь в культурной политике Елизаветы Петровны

Ирина М. Чирскова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; im-chir@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается одно из важнейших направлений культурной политики елизаветинского правления – взаимоотношения власти и церкви. Обоснованием правомочности нахождения на троне для Елизаветы стало «кровное родство» с Петром Великим и возвращение к традиционным национальным ценностям. Церковь, в лице своих проповедников, стала главным помощником императрицы в реализации идеологической программы. Талантливые проповедники убеждали православных подданных в важности и целесообразности правительственных мероприятий, бросали резкие обвинения в адрес прежних «немецких» властей, восхваляли императрицу и ее «славных» родителей, многократно преувеличивали заслуги дочери «петровой» в государственных преобразованиях. Императрица, в свою очередь, заботилась о христианской нравственности подданных, распространении православия, почитании святых, строительстве и благоустройстве церковных учреждений, осуществляла многочисленные пожертвования церкви, предоставляла права и привилегии, следила за образованием духовенства. Однако основой культурной политики власти всегда были интересы государства, и в делах, касающихся церкви, она исходила прежде всего из задач государственных, никогда не забывала о строгом выполнении своих распоряжений и экономии средств.

Ключевые слова: религия, церковь, культурная политика, власть, идеология

Для цитирования: Чирскова И.М. Религия и церковь в культурной политике Елизаветы Петровны // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 83–101. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-3-83-101

The life of the Imperial court, questions of the morality and the charity in the cultural policy of Elizabeth Petrovna

Irina M. Chirskova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
im-chir@yandex.ru*

Abstract. The article discusses one of the most important directions in the cultural policy of the rule of the Elizabethan rule – the relationship between the government and the church. The justification of the legality of being on the throne for Elizabeth was “consanguinity” with Peter the Great and a return to traditional national values. The Church, in the person of its preachers, became the Empress’s chief assistant in the implementation of the ideological program. Talented preachers convinced Orthodox citizens of the importance and expediency of government measures, threw harsh accusations against the former “German” authorities, praised the Empress and her “glorious” parents, and exaggerated the merits of Peter the Great daughter in state reforms. The Empress, in turn, took care of the Christian morality of subjects, the spread of Orthodoxy, the veneration of shrines, the construction and improvement of church institutions, made numerous donations to the church, granted rights and privileges, and monitored the formation of the clergy. However, the interests of the state notably were always the basis for the cultural policy of the government, and in matters relating to the church, it proceeded primarily from the tasks of the state, never forgot about the strict implementation of its orders and cost savings.

Keywords: religion, church, cultural policy, authority, ideology

For citation: Chirskova, I.M. (2020), “The life of the Imperial court, questions of the morality and the charity in the cultural policy of Elizabeth Petrovna”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 83–101, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-3-83-101

Елизавета Петровна, «незаконная дочь первого русского императора и прислужницы-немки», «богомольная затейница и веселая баловница, ленивая и беспечная, русская во всем императрица», вступила на престол в непростое для страны время. По мнению знаменитого искусствоведа Н.Н. Врангеля, в русской культуре она «создала помесь яркого русского лубка с любезной вычурой придворного французского искусства» и отразила «как зеркало, пряничную красоту пышной середины XVIII-го сто-

летия»¹. Воцарение дочери Петра I, впервые в истории России, сопровождалось свержением здравствовавшего монарха.

Вынужденная доказывать легитимность восшествия на трон, она мотивировала его просьбами «верных подданных», необходимостью «пресечения» «опасных беспокойств и непорядков», а также «близостью крови» к императору Петру². В сфере идеологии Елизавета оказалась достойной преемницей своего отца. Роль «курляндской» партии при Анне Иоанновне, краткие правления Бирона и Анны Леопольдовны, при малолетнем Иване VI, на государственном уровне получили определение «немецкого засилья».

Именованная по отчеству императрица подчеркивала не только неразрывную связь с великим отцом, но и государственную, политическую и культурную преемственность. Пристальное внимание к русским традициям и опора на православие символизировали отказ от «немецкого наследия» и ориентацию на национальные ценности.

Уже в первом официальном документе утверждалось, что все «как духовного, так и светского чина верные подданные» «просили» ее принять престол. Форма клятвенного обещания давалась «перед Богом и судом Его страшным» и скреплялась целованием креста³.

Религия стала важнейшей опорой политической доктрины Елизаветы Петровны, а амвон по-прежнему оставался главной трибуной власти. Именно в церкви, которую население обязывалось посещать, люди получали информацию о правительственных решениях, а через проповеди – разъяснение официальных идей и деяний. Исследователи не без основания говорят о возрождении жанра проповеди политической и особенном ее распространении в первые годы елизаветинского царствования⁴. Произносимые часто

¹ *Врангель Н.Н.* Императрица Елизавета и искусство ее времени (по поводу выставки «Ломоносов и Елизаветинское время») // Аполлон. 1912. № 7. С. 5.

² Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное: Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 г. Т. 6–15. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 11. № 8473.

³ Там же. Т. 11. № 8473.

⁴ По подсчетам В.В. Почетной, только за первые три года правления Елизаветы известно около 120 проповедей на политические темы. См.: XVIII в. Сборник 9: Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII в. / Под ред. Г.П. Макогоненко, Г.Н. Моисеевой. Л.: Наука, 1974. С. 334.

талантливыми ораторами своего времени, некоторые из них публиковались и распространялись по стране, в том числе и через устную ретрансляцию. Проповеди обосновывали не только правомочность переворота, но и почетную миссию Елизаветы, которая таким образом выполнила не только свой гражданский, но и религиозный долг и сумела «прочь выпужать» из гнезда «орла Российского noctных сов и нетопырей».

Русское духовенство с энтузиазмом отнеслось к восшествию Елизаветы Петровны на престол. Чувство ненависти к иноверцам, державшим определенное время в своих руках управление и имевшим влияние даже на дела церковные, полемика с католичеством и лютеранством, политические процессы, в том числе и против духовных лиц, сделали русское духовенство активным сторонником новой власти.

Несмотря на то что при Анне Леопольдовне прошла амнистия политических заключенных, среди которых было много духовных лиц, проповеди елизаветинского времени скрупулезно перечисляли, не стесняясь громких преувеличений, беды церкви от «врагов внутренних и сокровенных».

Вскоре после переворота, 18 декабря 1741 г., в день рождения императрицы, архиепископ новгородский Амвросий в Петербурге, в придворной церкви, произнес свою знаменитую проповедь, где возносились заслуги Петра I и Екатерины I как родителей императрицы. Среди прочего, Амвросий утверждал, что «самое благосостояние российского духовенства» – заслуга Петра Великого. Прославлялся император и за распространение наук, учения, школ, училищ «духовных и политических» и т. п. Елизавете же послал «Господь сердце мужественное, влиял дух петров, даровал храбрость иудифину». Солдаты, «ко кресту святому приложившись, начали во имя Господне исправлять дело свое, и сделали то в один час, что иные делали чрез многия лета и со многим кровопролитием».

Возвеличивание наследницы Петра шло на фоне яркой картины негативных явлений, происходивших в России в предшествовавшие правления, когда «многия тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных, невинных, Бога и государства весьма любящих», были похищены, в темницы заключены, уморены голодом, замучены и проч. Взгляд людей, пришедших к власти при Елизавете, несомненно, имел некоторую «историческую достоверность», однако он был весьма далек от беспристрастности.

Очень образны были проповеди будущего архимандрита Заиконоспасского монастыря Кирилла Флоринского, утверждавшего, что «сильно на земли будет семя» Петра. Он обрушивался на «чу-

жестранцев пришлецев», «расхитителей», «правoverия ругателей», «благочестия» «растлителей и истлителей» и пр. Кирилл назвал и конкретных виновников: «Остерман и Миних с своим сомнищем влезли в Россию, яко эмиссарии диавольские», а Елизавету «наследовать не допустили». Слова эти звучали особенно актуально во время, когда шел суд над Остерманом, Минихом, Головкиным, Левенвольдом, Менгденом, Темирязовым, Яковлевым, Стрешневым, Хрущевым и др.; уничтожались некоторые указы правительства Ивана VI; награждались участники ноябрьского переворота.

Будущий архимандрит Александрo-Невской лавры, а затем псковский епископ и член Синода, Стефан Калиновский в 1742 г. в своей проповеди перечислял беды цесаревны Елизаветы, которая «нестерпимые от недобросовестных подданных своих пакости мужественно претерпела» и от «всезлобных людей в монастырь побуждаема была».

Представители церкви активно участвовали в коронации императрицы. Амвросий Юшкевич совместно с академиком Я. Штелиным готовил надписи на триумфальных воротах, через которые Елизавета 22 февраля 1742 г. въезжала в Москву. Он же произнес проповедь в Успенском соборе, где, среди прочего, в заслугу императрицы поставил повеление «книгу Камень Веры, во тьме неведения заключенную, на свет произвесть и освободить».

В марте того же года архимандрит Свяяжского монастыря Дмитрий Сеченов в присутствии императрицы произнес знаменитую проповедь, большую часть которой посвятил торжеству политическому. Он утверждал, что «прошла тая нечестия лютая зима, воссияло ведро благочестия», наступило время спокойных размышлений. Оратор подчеркивал стремление Петра I «как бы в духовных сребролюбный нрав истребить, расколы изпразднить, суевверия отгнать, волшебство вывесть». Император «духовное собрание посещати» не ленился и поощрял «ко исправлению благочестия духовных пастырей», и даже перед кончиною «вселюбезную свою супругу просил» сохранять благочестие и соблюдать православную веру. После смерти Екатерины I «догматы христианские, на которых вечное спасение зависит, в басни и ни во что поставляли»; «святых угодников божиих не почитали; иконам святым не кланялись» и др. Более всего проповедника возмущало «гонение... на самых священных тайн служителей, чин духовный: архиереев, священников, монахов мучили, казнили, разстригали» и проч. Восшествие Елизаветы на отеческий престол поднималось на уровень гражданского подвига, политического и религиозного мужества. Она представлялась как «одушевленный инструмент, чрез который изгнанные возвратилися, узники освободились,

ограбленные, уничтоженные первые имения и чести восприяли» («Слово в день Благовещения... 1742 г. марта 25»).

В день коронации Амвросий Юшкевич, обратившись к Богу от лица народа, произнес, что видится «в душе девической дивныя дела Божия», «непобедимое мужество», «сердце героическое», «премудрость высокую, храбрость неустрашенную, любовь и милосердие к Отечеству безприкладное». Опираясь опять же на народ, архиепископ новгородский утверждал, что «все бывшие беды и скорби наведены были на Россию за грехи всего населения». Он же просил Елизавету от всего духовенства «принять виноград мысленный», т. е. церковь, «в действительное защищение, покров и оборону от многих разорителей».

Священник Петропавловского собора Петр Гребневский называл врагов императрицы «гробами повапленными, яблоками содомскими, лисами прехитрыми, ковчегами позлащенными, квас фарисейский в себе содержащими». О Елизавете же – красочно: «она едина аки солнце, которое темными облаками окружено бывает, но не помрачается»; «она едина аки кедр ливанский, который ветром не крушится, но паче крепчайший от того бывает» и проч.

Только в 1742 г. было произнесено не менее четырех десятков проповедей. Несмотря на то что в последующие годы их количество несколько снизилось, своего политического и культурно-идеологического значения они не утратили.

Проповедники часто обращались к современной им эпохе. Требовали «казни жесточайшей и непослабной иноверцам, распространяющим свое учение», выступали против «скотоподобных, безбожных атеистов, еретиков, отступников, раскольников, армян», против «нрава и ума епикурийского и фреймасонского». Поднимали они и тему общественного быта и нравственности. Подобно Дмитрию Сеченову, обличали богатых селян, считавших себя христолюбивыми. Те, мол, имели «каменные палаты, прекрасные покои, бани, поварни», а «церкви Христовы в тех же селах без покрова погнили». «Иные за кабаками, за торгом, за ябедами, за работою церквей не знают» и ближнего не любят. Власти же «от Бога учинены не на иной конец, токмо благотворить ближним, помощь бедным, заступи обидимым защитит правду» и проч.

Ораторы выражали благодарность императрице за внимание к православной церкви, уважение к проповедникам, «ибо пример ее действует и на других». В своем желании угодить императрице они часто излишне сгущали краски, описывая обиды церкви накануне прихода Елизаветы к власти. Тогда «иноверство царствовать стало, хваталось за скипетр Российской, младенчество», а «министры выключали отдел российских первосвященников». Императрице

приписывались всевозможные положительные качества: «природное остроумие», «проницательность», «рассудительность», «умение отличать белое от черного, прямое от кривого», «беспримерную милость», «неописанную кротость», «непреоборимое великодушие», «полезное благочестие», «мудрое правосудие». Она прославлялась как достойная и правомочная наследница великого отца. Например, Стефан Калиновский подчеркивал «природное ей к короне и престолу Российскому право». Оратор указывал, что в правление Елизаветы было много произнесено «почти поучительных проповедей», «похвальных речей или письменно сложено, или наизусть произнесено, сколько о нравах ее монаршаго престола и короны предостойных засвидетельствована».

Императрица оценила преданность духовенства и, понимая значение церковной кафедры, после восшествия на престол издала целый ряд указов, повышавших статус православной церкви и дававших ее представителям новые привилегии. В свою очередь, проповедники отмечали значение указов, направленных на повышение церковного авторитета, наведение порядка во время службы и др.⁵

Как отмечал Н.А. Попов, проповеди часто достигали своей цели. Так, например, нападки Флоринского на армянскую церковь завершились указом, которым упразднялись церкви армянские, кроме одной в Астрахани, и предписывалось «впредь позволения о строении оных не давать»⁶.

На высшем законодательном уровне воспитывалось уважение подданных к церковным праздникам. В частности, запрещалось проведение казенных работ, например, в день празднования «Нерукотворного Образа»⁷. Не разрешались экзекуции «в праздничные и викториальные дни»⁸. А 1759 г. отменили публичные работы «сверх положенных трех дней, во всю неделю Святыя Пасхи»⁹.

Проявлялась и забота о соблюдении соответствующего порядка «во время священнослужения». В 1742 г. был подтвержден указ Петра (1718 г.), повелевавший «во время пения Божественныя литургии стоять с безмолвием и слушать со всяким благоговени-

⁵ *Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 2. Кн. 3. Отд. 3: Смесь и библиография. М.: В типографии Грачева и комп., 1859. С. 3–7; 9–15; 21–23; 26; 29–30.

⁶ Там же. Т. 11. № 8500.

⁷ Там же. № 8576.

⁸ Там же. Т. 12. № 9646.

⁹ Там же. Т. 15. № 10944.

ем» под угрозой штрафа, а также указ 1723 г. о запрете во время пения «народных разговоров». Несмотря на это, по свидетельству обер-прокурора Синода князя Шаховского, в церквах по-прежнему встречались «молебщики», которые вместо службы вели «многие о разных светских делах разговоры». Синод подтвердил прежние распоряжения и, «дабы впредь никто неведением не отговаривался», повелел разослать по империи новый указ¹⁰.

Определялась и форма, по которой во время службы надлежало возносить молитвы об императрице и наследнике¹¹.

Святое место должно было вызывать уважение и трепет прихожан. В 1753 г. императрица лично озаботилась состоянием внутреннего убранства церквей. Следствием чего стал синодский указ «дабы во всех церквах наблюдаема была чистота и иконостасы и Святые иконы поновлены были». Во всех Российского государства «соборных, ружных и приходских, также уездных, сельских церквах» чтобы соблюдалась чистота, «ветхости всемерно исправлены быть могли», а, если где-то это не возможно, представить Синоду «без промедления времени»¹².

Воспитывалось в подданных уважение к изображениям святых и бережное отношение к иконам. В ответ на прошение «христолюбивых жителей» в 1744 г. был отменен указ от 21 февраля 1722 г.¹³, запрещавший приносить иконы из церквей и монастырей в дома прихожан. Новый документ был направлен на укрепление авторитета православия и веры в силу молитвы. Он гласил, что «древняя церковная истории» свидетельствовали, что «с верою к Богу прибегающие ко Святым иконам, получали по желаниям своим и на враги победу, и от болезней исцеление». Одновременно Синод предписал ряд правил. Из знатных домов «для принятия Святых икон, ради подобающей тем Святым иконам чести, требовать кареты», в малообеспеченные дома «пешим носить, однако ж с крайним почтением», на извозчиках и санях не возить, а при переносе икон «на улицах пения громогласного не произносить». В домах же все службы «отправлять по церковному чиноположению, не прилагая от себя ничего ни по чьим прошениям, кто б какого звания ни был». Не допускалось священнослужителям в этих домах «трапезовать или пьянствовать», не употреблять ничего хмельного и не вести

¹⁰ *Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 11. № 8559.

¹¹ Там же. № 8671.

¹² Там же. Т. 13. № 10150.

¹³ Там же. Т. 6. № 3910.

«никаких разговоров о бываемых чудесах» и ничего «вымышлено от себя к народному соблазну не употреблять», даже по просьбам хозяев, которых необходимо было от этого «отвращать». Церковнослужителям повелели «в тех домах быть с крайним священному чину принадлежащим благочинием»¹⁴.

Через месяц Синод обратился к поселянам и сельским священникам, дабы первые содержали, а вторые смотрели, чтобы «иконы в избах» были «во всякой чистоте и почасту б их обмывали и пыль обметали». «Закоптелыя» иконы предписали «по надлежащему возобновлять». Иконы же с утраченными изображениями – отобрать приходским священникам и «учинить о них по правилам Святых Отец». Власть позаботилась и о том, чтобы при осмотре икон «поселянам никаких обид и озлоблений отнюдь не причиняли, и никаких же взятков брать с них не домогались, под опасением совершенного без всякой пощады лишения священства и тяжкаго в светском суде истязания»¹⁵. Так, указ требовал не только содержания в порядке святых икон, но и соблюдения нравственности священнослужителями. А поскольку эта забота проявлялась на высшем законодательном уровне, можно предположить, что запрещение стало следствием уже имевших место нарушений.

С распространением печатного дела участились случаи появления эстампов «с неискusным изображением святых лиц». Синод распорядился в столицах и «в прочих» местах империи как листы, так и «доски неискusной резьбы» отбирать и отсылать на рассмотрение епархиальным архиереям. Впредь же рисунки до напечатания следовало «представлять для апробации» архиереям и только после этого «вырезать на медных досках». Напечатанную же «первую пробу» и сами доски только после одобрения изображения разрешать к печати и в продажу. Следить за исполнением указа предписывалось как представителям духовенства, так и магистратам¹⁶. В мае следующего 1745 г. указ был подтвержден Сенатом¹⁷.

Однако «неискusно писанные иконы», видимо, продолжали появляться, что беспокоило Елизавету Петровну. Она, через своего духовника Федора Дубянского, в 1759 г. вновь обратилась к Синоду, который, в свою очередь, – к синодальным членам, в епархии, к архиереям лавр и монастырей, чтобы они, через специально

¹⁴ Попов Н.А. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 12. № 8912.

¹⁵ Там же. № 8935.

¹⁶ Там же. № 9049.

¹⁷ Там же. № 9157.

определенных духовных лиц, «знающих в иконном искусстве», осмотрели «во всех святых церквах и монастырях святые иконы». «Неискусно писанные» иконы потребовали изъять, как из церковных учреждений, так и из продажи. Их место должны были занять иконы, написанные «искусною работою», «дабы какового неблаголепия и соблазна произойти не могло». Сенат же обязали «учинить надлежащее в светския команды подтверждение»¹⁸.

Тогда же появился и сенатский указ, «по велению Синода», запретивший продажу по всей империи «неискусно писаных икон». Для правильного письма икон указали «выбрать лучших мастеров», которые обязывались за «художниками накрепко надсматривать». Списки ответственных лиц направлялись в Сенат. Он напомнил, чтобы «в каждом месте первому из духовного чина» от Синода также было поручено осуществлять контроль¹⁹. Забота о чистоте православного иконописания была проявлена на высшем законодательном уровне. Она возлагалась не только на церковные, но и на светские учреждения, что подчеркивало значение проблемы для верховной власти.

Вопрос оставался актуальным и в следующем году, когда еще раз напомнили «об избрании из живописных мастеров смотрителей над иконописцами». Сенат потребовал «при отбирании неискусно писаных икон, духовным персонам чинить надлежащее вспоможение», чтобы «от продающих и покупающих» их «препятствия» не было «под опасением за неисполнение неупустительнаго по указам штрафа»²⁰. В 1759 г. вновь было подтверждено предписание о «неделании духовным при отобрании из церквей икон никаких обид»²¹.

Поощряя желание подданных отправляться к святым местам, правительство в то же время запретило возможные злоупотребления. В 1759 г. императрице стало известно, что «по благоговению многие люди к новоявленному Чудотворцу Дмитрию в Ростов» и в Ахтырку «к чудотворному образу», проезжая «чинят обывателям обиды и берут по дороге безденежно подводы, отчего как ямщики, так и крестьяне разоряются»²². Власть стремилась не допускать конфликтов между подданными, особенно в делах, связанных со сферой духовной.

¹⁸ *Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 15. № 10935.

¹⁹ Там же. № 10977.

²⁰ Там же. № 11085.

²¹ Там же. № 10984.

²² Там же. № 11014.

Государственные служащие должны были стать примером для других православных. Сенатским указом 1753 г. членам «присутственных мест» напомнили о необходимости являться «по нарядам на крестные ходы», пригрозив, что за нарушение «у каждого вычтено будет за месяц из годового их жалования». В случае болезни следовало в срочном порядке «рапортовать», чтобы «вместо их, другим того ж числа наряд учинить»²³.

Представители гражданских ведомств обязывались не чинить препятствий в исполнении судебных требований «по делам духовного ведомства». Указ был принят в связи с жалобой епископа смоленского на местную губернскую канцелярию. Он сетовал, что бывшие в его распоряжении до 1748 г. восемь солдат ныне отсутствовали. Когда же Консистория посылала своих представителей на поиски провинившихся по духовным делам, «посланных» били, от чего «умножившееся разное беззаконие наиболее распространяется». Грозя «великим народу соблазном» и «поруганием духовным властям», смоленский епископ просил защиты Синода. В результате, после обращения Синода в Сенат, последний приказал, «чтоб в делах, касающихся до духовного суда», не допускалось «ни мало никаких препятствий и остановок» и оказывалось «всякое вспоможение» «под опасением немедленного и неупустительного взыскания по указам». Закон был опубликован «в народ»²⁴.

Именно в правление Елизаветы Петровны Троице-Сергиев монастырь стал именоваться Ставропигиальной Лаврой. Императрица повелела по требованию Лавры «о монашествующих, из коих бы ни было Епархий, также и Киевопечерской лавры, кого именно» и в нужном числе «отовсюду отпускать»²⁵. По прошению архимандрита Арсения Могилянского «с братиею» Лавра получила ряд привилегий. «За неимением винных заводов» монастырь мог покупать вино (3000 ведер) в Малороссии «без взятия пошлин» или «по подрядной цене в Великой России». Деньги, положенные к отправке в Коллегию экономии (1459 р. 49 к. в год), разрешили оставлять в монастыре на содержание семинарий и «для братства аптеки», аптекарей и лекарей. Отставных штаб-, обер- и унтер-офицеров и рядовых солдат из Коллегии экономии в монастырь не посылать. Мельницы, имевшиеся при Лавре и вновь «запустелые ею в вотчинах», освобождались от «доимок» и выключались «из

²³ *Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 13. № 10146.

²⁴ Там же. Т. 15. № 11015.

²⁵ Там же. Т. 12. № 8959.

оклада»²⁶. Елизавета лично опекала Лавру и в 1754 г. запретила определять туда «монахов и мирских людей без именного указа»²⁷. В том же году синодским указом запретили принимать в Ставропигиальные лавры и монастыри «из других лавр и монастырей монашествующих без указа Святейшего Синода»²⁸.

Правительство уделяло внимание и соблюдению правил монастырской жизни. В марте 1742 г. синодским указом «вдовым священнослужителям, принятым в монастыри в надежде пострижения в монашество», если «житие свое оказывать будут безпорочное», разрешили священнодействовать²⁹.

На высшем законодательном уровне решался и вопрос о строительстве церквей и монастырей. Так, в ответ на обращение «разные помещики и прочия» за указом «о строении и освещении вместо сгоревших и обветшалых вновь церквей» Синод приказал вместо утраченной церкви «вновь на том же месте и в то же именование по подобию прочих святых церквей строить». Пригодные к строительству материалы (лес) использовать «в строение новой церкви», а «ветхое употреблять же в церковное топление или на печение просфор» и ни на что другое «церковного леса не растощать». Новую церковь приказали «убрать святыми иконами и прочим церковным благолепием» и «к освящению приличное все изготовить». Предписывалось соблюдать необходимые размеры «престола», иметь церковные сосуды «серебряные» и только «по самой необходимой нужде» оловянные, а также необходимые «священнослужительские облачения», «хотя б шелковые», книги «всего церковного круга». После постройки и «изготовления» «приличествующего к освещению» церкви, заказчики должны были прислать опись имущества епархиальному архиерею, сообщив о количестве «определенной к церкви пашенной земли и сенных покосах», о числе «мужеска и женска пола душ» в приходе «той церкви». При соответствии требованиям новый храм мог быть освящен, а без этого «о освещении церквей позволения отнюдь не чинить». Так, закон заботился о достойном проведении служб и обеспечении существования церкви, не забывая при этом о необходимой экономии строительных материалов³⁰.

²⁶ *Попов Н.А.* Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Николаем Тихонравовым. № 8960.

²⁷ Там же. Т. 14. № 10177.

²⁸ Там же. № 10201.

²⁹ Там же. Т. 11. № 8537.

³⁰ Там же. № 8625.

При всем уважении к православной церкви елизаветинское правительство вынуждено было позаботиться и о том, чтобы «излишних священно и церковнослужителей не было». Закон 1756 г., опираясь на указ Петра I от 11 марта 1723 г., определил число служителей при каждой церкви соответственно с количеством дворов в приходе. В «малых приходах и привотчинниковых домах» уже имевшиеся церкви сохранялись при условии, что прихожане «тех церковей служителей» будут содержать «в надлежащем довольствии». Новых «церквей строить никто из архиереев не допускался», построенные же должны были «церковнослужителями надлежащим числом» быть «непрерывно укомплектованы». Главным условием был девиз – «без излишества». В новых местах «ближе 20 верст, церковей состоять» запретили. При желании строить церкви прихожане «священно и церковнослужителей содержать обяжутся от себя», а иметь их допускалось только «указанное число», «без излишества». «На убыльях впредь при церквах места» указали определять, в том числе детей церковнослужителей, обучавшихся по «последней ревизии в семинариях». Особо подчеркивалось, чтобы «противу сделанного для монастырей и Архиерейских домов штата излишняго не было». О результативности мероприятий по строительству церковей и числу служителей предписывалось ежемесячно рапортовать в Сенат и сообщать в Синод³¹.

Новый порядок «управления монастырских и архиерейских имений» обязывал расходы производить «только по штатам», а оставшуюся сумму хранить, чтобы императрица, «ведая о числе оной, могла из того раздавать на строение монастырей»³².

Нехватка средств и строительных материалов побудила Сенат в 1759 г. разрешить разбирать «каменные и деревянные крепостные строения», которые в «ветхость пришли» и не подлежали ремонту, а кирпич отправлять «на починку казенных церковей и богаделен»³³.

Необходимость разъяснения прецедента с Иваном Никифоровым вызвала появление сенатского указа 1745 г. Никифоров был записан в цех в 1738 г. В 1744 г., «после окончания выписанного в Новгороде производимаго свидетельства», по указу из Губернской Канцелярии в Ратушу было предписано этого «попова сына» из цеха и «из подушного оклада выключить». Новый документ подтвердил аннинский указ от 6 февраля 1737 г., запрещающий ис-

³¹ Попов Н.А. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 14. № 10665.

³² Там же. № 10765.

³³ Там же. Т. 15. № 10949.

ключать «из подушного оклада церковников, записанных» в цехи и в купечество «по их собственному желанию»³⁴. Таким образом, добровольно вышедшие из духовного звания теряли привилегию освобождения от подушной подати, а казна приобретала еще одного налогоплательщика.

Особое внимание уделялось изготовлению вещей, необходимых «к священнодействию и церковному благолепию». Здесь были нужны специалисты высокого класса. Ссылаясь на практику предшественников, сенатский указ 1751 г. предписал «сосуды, Евангелисты, Кресты и оклады из золота и серебра» изготавливать и продавать в Москве купцу Кункину. Он обязывался «крайнее свое старание прилагать», чтобы «не повышая цены» в изготовлении предметов «остановки отнюдь быть не могло». Другим же мастерам, которых в Москве было еще шесть человек, «яко неискусным в деле таких нужнейших до церкви Святой принадлежащих вещей», запрещалось их изготавливать. За нарушение главный магистрат должен был «штрафовать по указам», изготовленные вещи обязали «заклеймить», и «желающим оные купить, продать». Мастерам, отлученным от изготовления церковной утвари, разрешалось делать предметы «до домашнего убранства» и «партикулярного, а не церковного употребления». Монетная Канцелярия надзидала, чтобы «не записавшиеся в цех мастера», которым по указу 1722 г. было разрешено изготавливать предметы из золота и серебра «только для своих домашних нужд», не клеймили вещи, а отсылались с ними «для учинения указа» в Главный Магистрат. А чтобы они «работою своею пропитание записавшихся» в цех не отбирали, исполняли «службы» и платили подати, уведомить их, дабы «впредь неведением не отговаривались» и публиковать указ «во всенародное известие»³⁵.

Духовенство по-прежнему оставалось одним из самых образованных сословий в стране. Поэтому когда возникла необходимость в специалистах, именно из студентов духовных академий набирали потенциальных медиков. Так, в феврале 1755 г. появился синодский указ об отсылке в Москву студентов Киевской академии, желавших «обучаться медикохирургии». Синод озаботился проблемой возвращения средств, выданных на проезд учащимся, и распорядился переложить их «на счет Медицинской Канцелярии». В епархиях «Переяславской, Черниговской и Белогородской»

³⁴ Попов Н.А. Придворные проповеди в царствование Елизаветы Петровны // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Николаем Тихонравовым. Т. 12. № 9113.

³⁵ Там же. Т. 13. № 9885.

предложили выявить желающих «к означенному учению» и списки отправить в Синод «немедленно»³⁶.

Государство именно в церкви традиционно видело своего главного помощника в сфере благотворительности. В монастыри «для исправления» отправляли «престарелых и в уме поврежденных колодников», умалишенных «до их выздоровления», «увечных», старых, больных и не имевших пропитания воинов³⁷.

Особую тревогу правительства продолжали вызывать староверы. «В опровержение лжеучения раскольников» в 1744 г. императрица повелела напечатать сочинения митрополита Дмитрия Ростовского и архиепископа Феофилакта³⁸. Старообрядцам запретили «в Устюжской провинции» сборища, побег и самосожжения. Указ появился в связи с донесением, что в Белослущком стане записавшиеся в раскол по ревизии 1748 г. «из черносошных крестьян съехали и бежали из домов своих тайно». «Сотский со товарищи» без указа и повеления судейского не посмели ехать за ними, но поставили в покинутых домах «мирский караул». По сведениям, бежало 53 человека, «записавшихся и не записавшихся в раскол». На розыск, в итоге, был послан «по инструкции» прапорщик Емельян Данилов с «солдаты три человеками», который предварительно обратился в Консисторию «епископа Велико-Устюжскаго и Тотемскаго», чтобы к поиску примкнули представители церкви для «увещания оных раскольников и беглецов», дабы «оных до сгорания не допустить». Предполагалось раскольников, «по сыску», привести в Устюг Великий «под крепким караулом». Прапорщик рапортовал, что было найдено «душ более 70». Священники многократно их увещевали, а те отвечали, что «намерение имеют сожечься». Ему приказали, если и на вторичное «увещание не сдадутся», вернуться в Устюг. При ските поставить крестьянский караул, чтобы раскольники чего-нибудь «над собою не учинили». Меры оказались тщетными, и Данилов докладывал, что они «на утро сожглись добровольно сами» и их «отбить было невозможно». Пожитки сгоревших, хлеб и скот предложили отдать в продажу «с публичного торга», а деньги отправить «в подушный оклад и прочие подати». Сенат приказал «впредь до таковых же раскольнических сборищ и побегов и до сожжения отнюдь не допускать и всякими образы стараться, чтобы оттого их отвращать». Нарушителей ловить, «изыскивать их раскольнических учителей, которые к тому их сожжению приводят и по поимке их поступать с ними по указам». В Сенат рапортовать, а в Синод сообщать, чтобы заблаговременно

³⁶ Полное собрание законов Российской империи. Т. 14. № 10354.

³⁷ См. подробнее [Чирскова 2019а, с. 79–81].

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. Т. 12. № 9046.

в данной провинции духовные лица увещевали «таковых раскольников, ежели явятся», и подтверждали это указами³⁹.

Однако раскольничьи самосожжения не прекращались, и в 1753 г. управитель Верхотурского, Туринского и Тюменского ямов сообщил, что «ямщики и разных чинов люди, мужеска 12, женска 24 человека, собравшись у разночинца Григорья Серкова, в доме сгорели». В ответ на прецедент Сенат приказал «в означенных ямах о тех противных самохотных и пагубных людей жжениях» предостерегать. Ямской управитель обязывался «до таких случаев не допускать», а старосты, сотские и десятские – смотреть с «подписками, под страхом, за несмотрение, жесткого истязания». По городам и уездам Сибирской губернии велели «всем обывателям накрепко подтвердить» и ответственным лицам приказать, чтобы они следили «и не допускали, и прелестников и предводителей к тому ловили» и к «следствию приводили без малейшего упущения». В случае неисполнения «зато они сами повинны будут тяжко отвечать»⁴⁰.

Учение раскольников было чрезвычайно живуче, и в 1755 г. власти вновь вынуждены были озаботиться поимкой «раскольничьих учителей». Подтвердив петровский указ от 19 ноября 1721 г., Сенат приказал разослать в губернии и провинции указы о его непременном исполнении, и из Синода предписали о том же, чтобы «кому надлежит подтверждено было указами ж»⁴¹. В 1756 г. Устюжская канцелярия вновь сообщала в Сенат, что, несмотря на все усилия властей, сожжения продолжались. На месте сожженных скитов и в отдаленных районах строились новые. Прецедент с сожжением раскольника Ворохова вызвал опасения канцелярии, давшей «о житье ему в ските дозволения». Служители оправдывались, что заподозрить его в этом было невозможно. Сенат распорядился рапорт канцелярии отправить в Юстиц-Коллегию, которой предписали расследовать инцидент и, определив наказание, представить в Сенат. Впредь же по империи, во всех городах и уездах, «в особливых отдаленных местах», «строения раскольникам делать отнюдь не допускать», а имевшиеся «все разорить». Ответственность за исполнение была возложена на губернаторов и воевод⁴².

Очередной указ сообщал о докладе томского воеводы, поручика Бушуева, что в деревню Мальцову собрались из Чеуского острога и разных деревень к сожжению обыватели. Туда были посланы представители администрации, обнаружившие «9 изб и вокруг оных са-

³⁹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 13. № 9579.

⁴⁰ Там же. № 10138.

⁴¹ Там же. Т. 14. № 10353.

⁴² Там же. № 10585.

жени в три полисадник с немалым укреплением». Несмотря на увещевания, раскольники объявили, что «за веру Христову и за крест двоеперстного служения страдать собрались». Затем они «зажглись и сгорели всего мужеска и женска пола 172 человека». Сама же деревня располагалась в «чистом со всех сторон месте между великими топами и болотами и озерами». Поэтому воевода распорядился разломать оставшиеся строения и перевести в другие деревни. Пожитки и скот сгоревших предписали продать «с публичного торга», хлеб отправить в военные команды, деньги – в «Раскольническую Контору». Сенат приказал выяснить имена, количество сгоревших, оставшихся в живых жителей, и прежде всего тех, кто были «предводителями и злоучителями». В случае установления следствием вины «с теми учинить по указам без всякого упущения» и рапортовать в Сенат. Сибирская канцелярия должна была озаботиться о недопущении впредь подобного. В дальних районах запретили строить раскольничьи скиты «под опасением немалого штрафа», имеющиеся же приказали «все разорить»⁴³.

На протяжении всего царствования Елизавета Петровна, продолжая политику предшественников, пропагандировала и поддерживала принятие иноверцами православия. Документы подчеркивали добровольный, осознанный и искренний характер смены веры. Без «письменных их саможелательных» прошений и наставлений «к православию» крестить не разрешалось. Проповедники «со всяким смирением, тихостию и кротостию без всякого кичения, угрожания и страха» должны были располагать к принятию православия. Воспрещалось крещение «в христианскую веру других исповеданий». На законодательном уровне исключили возможность использовать принятие православия с целью избежать наказания за тяжкие преступления. Списки новокрещеных, пожелавших «поступить в монастыри», представлялись в Синод. В документах принявшие крещение должны были именоваться новыми именами. Для преодоления «трудности в составлении прошений» о крещении утвердили особые «формуляры». Семьям, принявшим крещение, предоставлялись налоговые льготы. Материальное поощрение назначалось священно- и церковнослужителям при новокрещенцах. Выделялись суммы на содержание школ и чиновников в местах их жительства. Однако сохранялась опасность возвращения новокрещеных «из магометан и калмыков» в прежнюю веру, поэтому правительство предпринимало меры для решения и этой проблемы. В то же время иноверцы оставались частью населения Российской империи, поэтому им также предоставлялись определенные возможности религиозной жизни [Чирскова 2019b].

⁴³ Полное собрание законов Российской империи. Т. 11. № 10644.

Можно с уверенностью утверждать, что именно церковь, в лице своих проповедников, стала главным помощником императрицы в реализации идеологической программы. В ее основе лежали идеи сохранения и преумножения наследия великого отца, возрождения национальных традиций и защита православия – тех принципов, что в прежние правления «чужестранцами» «правоверия ругателями» нарушались. С амвона звучали речи сторонников Елизаветы Петровны, среди которых было много людей образованных и, несомненно, талантливых. Они с завидной убедительностью доносили до сознания православных подданных резкие обвинения в адрес «немецких» властей, восхваляли императрицу и ее «славных» родителей, многократно преувеличивали заслуги «дочери петровой» в государственных преобразованиях, разъясняли важность и целесообразность правительственных мероприятий.

В культурной политике Елизавета Петровна традиционно опиралась на институт церкви и сама поддерживала его. Императрица всячески заботилась о христианской нравственности подданных, распространении православия, почитании святынь, строительстве и благоустройстве церковных учреждений. Она осуществляла многочисленные пожертвования церкви, предоставляла права и привилегии, следила за образованием духовенства, обязала «дворян и разного чина людей» обучать детей «из молодых лет с начального обучения Катехизису», предписав разослать книги по епархиям «для надлежащего употребления»⁴⁴.

В свою очередь представители духовенства участвовали в реализации образовательных проектов власти, изустно и письменно поддерживали ее авторитет и воспитывали уважение к ней в среде подданных. Православная религия оставалась надежным фундаментом государственной идеологии. Это было особенно важно для елизаветинского правления, провозгласившего себя истинно «русским», поэтому национальные православные ценности выступали на первый план в государственной культурной политике.

В то же время русская церковь находилась в общегосударственном правовом поле, ее деятельность регулировалась законодательством, на высшем уровне поддерживались и оберегались институт церкви и православие. Однако интересы государства всегда были основой культурной политики. Власть и в делах, касающихся церкви, исходила прежде всего из задач государственных, никогда не забывала о строгом выполнении своих распоряжений, экономии средств, сборе налогов, штрафов и проч.

⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи. № 8726, 8743.

Литература

- Чирскова 2019а – *Чирскова И.М.* Быт императорского двора, вопросы нравственности и благотворительность в культурной политике Елизаветы Петровны // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 5. С. 66–84.
- Чирскова 2019б – *Чирскова И.М.* Крещение иноверцев в правление императрицы Елизаветы Петровны [Электронный ресурс] // Сретенские чтения: Материалы XXV научно-богословской конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов: Свято-Филаретовский православно-христианский институт (Москва, 23 февраля 2019 г.) / Сост. З.М. Дашевская. М.: СФИ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM); 12 см.

References

- Chirskova, I.M. (2019), "The life of the Imperial court, questions of the morality and the charity in the cultural policy of Elizabeth Petrovna", *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"* Series, no. 5, pp. 66–84.
- Chirskova, I.M. (2019), "Baptism of Gentiles in the reign of Empress Elizabeth Petrovna", in Dashevskaya, Z.M., comp., *Sretenskie chteniya: Materialy XXV nauchno-bogoslovskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh spetsialistov: Svyato-Filaretovskii pravoslavno-khristianskii institut (Moskva, 23 fevralya 2019 g.)* [Proceedings of the 25th Sretensky Scientific and Theological Conference of Students, Graduate Students and Young Specialists: St. Philaret Orthodox Christian Institute (Moscow, 23 February 2019)], SFI, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ирина М. Чирскова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; im-chir@yandex.ru

Information about the author

Irina M. Chirskova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; im-chir@yandex.ru